

ГЛАГОЛОМ ЖГИ СЕРДЦА ЛЮДЕЙ!

заметки поэта

I.

Ни один из русских писателей не возбуждал столько споров, как Достоевский. Ни один не бывал истолкован так разноречно и так противоречиво. Случалось, что толкования были взаимоисключающими. Спор о великом гуманисте продолжается и по сей день.

Вот Достоевский — глубокий социолог, защитник бедноты большого города, страдалец, вызывающий к другим о сострадании ко всем униженным и оскорбленным. Но вот — реакционер. Вот пророк, возвещающий мессианское предназначение русского народа, призывающий все человечество к миру и братству. Но вот писатель, у которого учатся криминалисты и следователи, а то и психиатры и психоаналитики в духе Фрейда. Вот знаток и провидец тайных глубин человеческой души, ее острейшей диалектики — но вот утопист и фантазер, если не фантаст. Вот автор «Записок из подполья», произведение о круглом одиночестве зловерной и зловерной души, — но вот автор «Записок из Мертвого дома», поражающий своей верой в человека, в его доброе начало.

Как разобраться в этом столпотворении противоречий? Отчего так сшибаются лбами суждения об одном человеке и писателе? Не говорят ли они сами за себя? Не свидетельствуют ли о непомерном богатстве, заключенном в одном творчестве, о его широте и глубине? Не значит ли это, что в самом Достоевском были заложены взрывные силы, раздиравшие его самого?

К этому надо прибавить и сильно разветвленное влияние Достоевского на всю последующую литературу, да и не только литературу, но и на философию, на мысль людей конца прошлого и начала нашего века. Его принимали на вооружение и богословы и анархисты, и декаденты и ницшеанцы. Отголоски его мыслей и его

проповеди мы узнаем у Андрея Белого, у Александра Блока, не говоря уже о Леониде Андрееве и других, меньших по значению. А если говорить о зарубежной, западной, мысли, то прежде всего вспоминаются скандинавы Ибсен и Гамсун, чей Нагель в «Мистерирах» так сильно смахивает на князя Мышкина. Вспоминается и Томас Манн с его «Доктором Фаустусом». Если же обратиться к временам, более близким к нашему, то разве у Кафки не отыщем мы одинокой униженности, как у персонажей Достоевского, а у Камю — их бунтарской природу?..

Достоевский был первооткрывателем и первопродом целого материка человеческой души и человеческого сознания. На этом материке обнаружились и сверкающие горные вершины, и головокружительные пропасти. Этот материк густо и плотно заселен самыми разными персонажами. Это город с широкими площадями и кривыми закоулками, с трактирами и особняками знати, с тайными сговорками заговорщиков и полицейскими участками, с публичными домами и монастырями. И всюду и всегда спор, столпотворение голосов, заклиняющих, проклинающих, пророческих, умоляющих, хмельных, трезвых, табачный дым, — желтые блики свечей, выхватывающие то нелепый жест, то судорожную гримасу, то одухотворенное девичье личико, то морду негодая, то пачку ассигнаций, брошенных в огонь, то последние медные гроши, украденные на то, чтобы опохмелиться... Все — в движении, в брожении, в переплавке. Итог не подведен. Ответ не подготовлен. Кончая тот или другой роман, Достоевский не однажды обещает продолжение, где все окончательно выяснится. Но этого никогда не будет у него, он уже захвачен новым замыслом, далеко уводящим в другую сторону.

Исследование Достоевского продолжается и по сей день. Оно выходит за пределы литературоведения в обычном смысле слова, за пределы одной нашей истории. Достоевский непрестанно будоражит и

дразнит умы и сердца новых поколений. Коренные вопросы нравственности, добра и зла, устройства человеческого общества — поставлены ребром, в резкой светотени, без скользких формулировок, без недомолвок. Душа человека распахнута настежь и видна насквозь. Скальпель Достоевского безжалостно остер. Ненависть и обожание доведены до предела. Правда писателя не аксиоматична, не доказуема, как дважды два. Зато она показана во всей своей зияющей или сияющей наготы. Никаких масок. Приличия не соблюдаются. Все действующие лица исповедуются друг другу. На меньшее никто не согласен. В конечном же счете речь идет о Жизни и Смерти. Трагедия и буффонада сменяют друг друга на протяжении нескольких страниц одной главы.

Глубокое и важное в Достоевском раскрыто историком русской и мировой культуры М. М. Бахтиным в интересной книге о нем. Бахтин возводит творчество Достоевского к древнейшим явлениям человеческого искусства. Бахтин обращает внимание на решающие сцены в романах Достоевского, такие, например, как поминки Мармеладова, именины Настасьи Филипповны, кутеж Дмитрия Карамазова в Мокром, чудовищно карикатурный бал в «Бесах». В этих сценах, где сконцентрированы нервные узлы конфликтов, происходят разоблачения, обнажается истинная подноготная отношений, из-под условностей быта проступает страшное лицо кары, страдания, очищения, катарсиса, если употреблять термин аристотелевской поэтики, пахнет паленым, дышит гибелью. Романист дает волю себе как драматургу, если не трагику. Он близок одновременно и Шекспиру, и Эсхилу. Скорее же всего он дает волю только самому Достоевскому.

В этих решающих сценах корифей драмы окружен хором, будь он цыганским, или гоголем забубенных гуляк, ненароком затесавшихся в действо, или хором самих мстительных Эринний. Все на потребу великому строителю сюжета, все льет воду на его мельницу. Во всяком случае грубая душа Театра, самого древнего в семье человеческих искусств, празднует здесь свой потрясающий праздник. В этой связи нам еще придется вернуться к истории Достоевского на русской сцене прошлого и на современной нам.

В одной из предварительных записей Достоевского к будущему «Бесам», еще далеко не ясным для самого писателя, есть такое рассуждение «Князя» (в романе он потерял титул и превратился в главного героя — Николая Ставрогина):